

Игорь Александрович Ерёмин

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия, iaeremin61@yandex.ru

ОТНОШЕНИЕ ВЛАСТЕЙ И НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ К ВОЕННОПЛЕННЫМ, РАЗМЕЩЕННЫМ НА ТЕРРИТОРИИ РЕГИОНА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Рассматривается история отношения к военнопленным Первой мировой войны, размещенным в Западной Сибири, местной общественности и органов власти различных уровней. Охарактеризованы принципы государственной политики в отношении к военнопленным в зависимости от их национальной принадлежности. Выявлены основные направления поддержки военнопленных-славян властями и местным населением.

Ключевые слова: Первая мировая война, Западная Сибирь, военнопленные.

Igor A. Eryomin

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, iaeremin61@yandex.ru

ATTITUDE OF THE AUTHORITIES AND THE POPULATION OF WESTERN SIBERIA TO THE PRISONERS OF WAR PLACED IN THE REGION DURING WORLD WAR I

Abstract. The history of the attitude towards World War I prisoners of war placed in Western Siberia by the local community and authorities of various levels is considered. The principles of the government's policy towards the prisoners of war depending on their ethnicity are characterized. The main areas of support for Slavic prisoners of war by the authorities and the local population are identified.

Keywords: World War I, Western Siberia, prisoners of war.

Вступление России в Первую мировую войну поставило перед правящими кругами империи задачу оперативного решения проблемы, связанной с размещением военнопленных Австро-Венгрии и Германии на территории страны. Западная Сибирь, в состав которой в тот период входили Тобольская и Томская губернии, Акмолинская и Семипалатинская области, стала важным тыловым регионом для расквартирования крупного контингента военнопленных.

Историография советского периода рассматривала проблему размещения военнопленных с классовых позиций в плане формирования из их числа многочисленных сторонников партии большевиков, активных участников революционных событий 1917 г. и Гражданской войны. В современной отечественной историографии вопросы размещения военнопленных на территории Сибири впервые были затронуты в исследовании А.Н. Талапина [1]. В 2000–2010-х гг. вышли работы А.И. Гергилёвой, О.В. Чудакова, Ю.Г. Шапкина, А.А. Дмитриченко, Г.О. Пономаревой, Т.В. Федоровой, Д.Н. Аверина [2–6]. В них авторы сосредоточили свое внимание на различных социально-бытовых аспектах пребывания в регионе этой категории вынужденных мигрантов, таких как привлечение их в качестве рабочей силы в сель-

ском хозяйстве и промышленности, санитарно-медицинское обслуживание.

Актуальность заявленной темы заключается, на наш взгляд, в том, что, несмотря на заметный научный интерес к исследованию этой проблемы в последнее время, наименее изученным остается гуманитарный аспект пребывания военнопленных в регионе.

Целью работы является выявление особенностей отношения к военнопленным различных национальностей со стороны официальных властей и местного населения Западной Сибири.

Исследование базируется на значительном спектре репрезентативных исторических источников, включающих как опубликованные, так и архивные документы, некоторые из которых в научный оборот вводятся впервые.

Для изучения обозначенной проблемы большие возможности открывает использование модернизационной методологии. Наше исследование опирается на положение этой теории о том, что в начале XX в. Россия, добившись значительных успехов на пути модернизации, тем не менее не успела завершить переход от аграрного традиционного общества к индустриальному капиталистическому. Это сказалось на общей неподготовленности страны к затяжному гло-

бальному конфликту с промышленно развитыми государствами, в неспособности среди прочего в короткие сроки эффективно решить проблему размещения на своей территории военнопленных враждебных ей держав.

В процессе работы использовался проблемно-хронологический метод исследования. В соответствии с ним из всех аспектов пребывания пленных в регионе был выделен гуманитарный, связанный с отношением к этой категории жертв глобального военного конфликта русских властей и местного населения, который рассматривался в хронологической последовательности.

По данным Главного штаба русской армии, на 1 сентября 1917 г. в России было свыше 1,8 млн военнопленных [7, с. 41]. Согласно подсчетам Центральной коллегии по делам пленных и беженцев, их общая численность составляла более 2,3 млн человек [8, с. 32]. Как видим, данные разнятся, но можно смело утверждать, что речь шла о размещении в этот период на территории страны порядка 2 млн пленных.

Первые месяцы войны ознаменовались разгромом русскими войсками Юго-Западного фронта четырех австро-венгерских армий, а также успешным отеснением немцев с берегов Вислы и удачной Лодзинской операцией. Результатом стало пленение нескольких сотен тысяч солдат и офицеров противника [9, с. 301]. К апрелю 1915 г. во внутренних районах Российской империи находилось более 600 тыс. пленных [10, с. 5].

Несмотря на то, что Западная Сибирь была одним из самых удаленных от театра военных действий регионом, уже осенью 1914 г. здесь началось размещение крупного контингента военнопленных. Летом 1915 г. их численность составляла свыше 150 тыс. человек [11, с. 9].

В утвержденных императором Николаем II в октябре 1914 г. «положениях о военнопленных» русское правительство брало на себя обязательства придерживаться принципов Гаагской конвенции 1907 г. о гуманном обращении с пленными. Прежде всего, они определялись как законные защитники своего отечества. Поэтому командиры русских воинских частей, при которых находились военнопленные, были обязаны оберегать этих людей от любых притеснений и контролировать получение ими положенного довольствия в полном объеме [12, с. 3811, 3813, 3817].

Подчеркнем в этой связи, что по-другому и быть не могло. Как известно, именно русский самодержец Николай II был инициатором созыва первой (1899 г.) и второй (1907 г.) мирных конференций в Гааге, где были утверждены конвенции о

законах и обычаях сухопутной войны, регламентировавшие права военнопленных.

Специальные отделы штабов фронтов, военных округов и Главного управления Генерального штаба были основными структурами, ведавшими военнопленными в России.

В концентрационных лагерях России содержались военнопленные разных национальностей. Национальный состав бывших военнослужащих Австро-Венгрии отличался особой пестротой. Не случайно, что в Европе это государство называли «лоскутной империей». Австрийцы и немцы составляли из общего количества военнопленных 20–22 % (400–500 тыс. человек), венгры – 24–25 % (500–550 тыс. человек), чехи и словаки – 13–18 % (250–350 тыс. человек), сербы, хорваты и словенцы – 11–12 % (200–250 тыс. человек), румыны – 7–8 % (120–150 тыс. человек), поляки – 8–9 % (150–200 тыс. человек), итальянцы – 1–2 % (20–40 тыс. человек). С учетом примерно 170 тыс. пленных из Германии, доля австрийцев и немцев среди других национальностей увеличивалась до 24–28 % [8, с. 33].

Следовательно, представители славянских этносов составляли в общей массе пленников большинство. При этом среди славян больше всего было чехов и словаков. Как показал ход военных действий, военнослужащие-славяне на поле боя часто предпочитали сдаться в плен, чем проливать свою кровь за интересы австро-венгерских правящих кругов. Иногда они делали это целыми полками.

Вопрос об отношении к военнопленным официальных властей и населения Западной Сибири заслуживает отдельного внимания. С самого начала военного конфликта правительственная политика в национальном вопросе заключалась в том, чтобы четко разделять пленных на две категории. В первую категорию входили немцы, венгры и турки, которых считали представителями «недружественных народностей», главными проводниками агрессивной политики своих правительств. Отношение к ним было настороженным [11, с. 9].

Во вторую категорию входили славянские народы, населявшие Австро-Венгерскую империю. К ним было доброжелательное отношение, просматривалось явное стремление заручиться их политической симпатией. Как известно, Россия вступила в глобальный конфликт под лозунгом освобождения славян от немецкого порабощения. В царских манифестах о вступлении страны в войну с Германией и Австро-Венгрией подчеркивалось, что против России и всего единокровного и единоверного с ней славянства выступили

две могущественные немецкие державы, с которыми предстоит ожесточенная борьба.

Даже место пребывания должно было свидетельствовать о том, к каким категориям военнопленных более лояльны русские власти. Предназначенные для размещения за Уралом немцы, венгры и турки, согласно распоряжениям Главного управления Генерального штаба, до 1915 г. направлялись в Иркутский военный округ – в Восточную Сибирь с ее более суровым климатом [13, л. 13]. При этом славяне, как правило, с самого начала боевых действий находились на территории Западной Сибири, где природно-климатические условия были более благоприятными.

Многие из пленных, оказавшись в регионе в начале осени 1914 г., опасались, что здесь их просто переубьют [14]. Несомненно, что такие настроения были следствием многолетней антирусской пропаганды в государствах австро-германской коалиции, которая злонамеренно и целенаправленно представляла русский народ сборищем диких варваров, грабителей и убийц, способных совершать такие жестокие преступления, которые невозможны в цивилизованном мире.

Жизнь показала, что их тревоги были необоснованны. Опираясь на различные источники, можно смело утверждать, что большинство жителей края благожелательно относилось к пленным. По мнению военных властей, эта лояльность даже переходила допустимые границы. Впервые об этом со всей определенностью было сказано в приказе от 21 декабря 1914 г. командующего войсками расположенного на территории Западной Сибири Омского военного округа (ОмВо) генерала Е.О. Шмита. В нем осуждались некоторые офицеры и чиновники, которые принимали у себя дома военнопленных, вступали с ними в дружескую переписку, публично угощали их в ресторанах, высылали на добрую память фотографические карточки. Командующий напомнил им, что речь шла о людях, которые сражаясь в рядах вражеских армий, пролили много русской крови. Кроме необходимого внушения, которое должны были сделать своим подчиненным представители начальствующего состава в связи с их некорректным отношением к военнопленным, в приказе предполагалось оглашать фамилии виновных, нарушавших официальные предписания [15, л. 76-76 об.].

На наш взгляд, подобное нескрываемое подбострастие представителей правящего класса к врагам России было следствием культивируемого в нем на протяжении длительного времени преклонения перед западноевропейской цивилизацией. Для них было огромным счастьем постоять

рядом с деятелями культурного Запада, которых они изначально ставили выше себя. Представить себе, чтобы так себя вели с русскими военнопленными офицеры и чиновники Австро-Венгрии и Германии, просто невозможно.

Не успели военные власти округа принять соответствующие меры по реализации положений данного приказа, как появились новые проблемы в связи с направлением военнопленных на сельскохозяйственные работы. Ссылаясь на то, что в некоторых селениях, в частности в деревне Стародубово Тобольской губернии, они позволяли себе относиться к местным жителям с явным пренебрежением, а к женщинам – не с должным уважением, в приказе от мая 1915 г. командующий войсками ОмВо потребовал ужесточить над ними дисциплинарный контроль. Заведующему военнопленными предписывалось принять самые строгие меры для ограждения обывателей от неприличного поведения пленных и заставить их с должным уважением относиться к русской женщине [16].

Следовательно, подобное поведение пленных, относившихся к рядовому составу, в отношении местного населения свидетельствовало со всей очевидностью о том, что они совсем не находились под прессом жесткого контроля военных властей. Со всей уверенностью можно констатировать, опираясь на документальные источники, что подобного рода поведение русских военнопленных, размещенных в Австро-Венгрии и Германии, просто невозможно себе представить.

Можно предположить, что подобная принципиальность в распоряжениях военного руководства ОмВо была связана не только с патриотической позицией генерала Е.О. Шмита. Нельзя исключать и того, что, будучи этническим немцем по происхождению, он стремился через ужесточение режима содержания военнопленных показать свою лояльность в условиях нарастающей в стране в тот период подозрительности ко всему немецкому.

Между тем эти настроения подогревались слухами, в том числе намеренно распространяемыми властями. В рамках официально провозглашенной борьбы с «немецким засильем» образцом народной мифологии стало обошедшее всю Сибирь известие о том, что генерал Е.О. Шмит якобы скрылся. Образчиком другого рода слухов стало заявление министра внутренних дел страны А.Н. Хвостова в октябре 1915 г. о появлении в Степном крае «таинственных» аэропланов, которые якобы скрывались в немецких колониях, где заправлялись бензином. История с аэропланами

попала в прессу, и в феврале 1916 г. барнаульский уездный исправник доносил томскому губернатору о случаях появления аэроплана в Троицкой волости, который якобы размещался вблизи мельницы немецкого колониста Франца Петровича Вибе [17, с. 288].

Заслуживают внимания рассуждения уполномоченного Особого комитета помощи военнопленным Е.Г. Шинкевича о взаимоотношениях местных жителей и пленных в регионе. Он много времени провел в различных районах Западной Сибири, знакомясь с положением размещенных здесь пленных. Причины доброжелательного и даже гостеприимного отношения к ним со стороны местных крестьян он объяснял тем, что «австриец-славянин», прикоснувшись к земле, быстро утрачивал былой военный вид и превращался в земледельца. В результате не могло быть и речи о каких-либо притеснениях со стороны местного сельского населения в отношении этого человека [11, с. 40].

На наш взгляд, уполномоченный совершенно правильно объяснил исчезновение барьера недоверия между этими людьми благодаря совместной трудовой деятельности. Крестьяне разных национальностей ощущали себя единым коллективом, решая общие производственные задачи.

Еще одним подтверждением лояльного отношения к пленным являлся весьма либеральный режим их охраны. В деревнях, где их было расквартировано по 150–200 человек, охрана поручалась одному-двум русским ратникам. Их работа ограничивалась ведением учета пленных. Многие пленные-славяне, особенно из крестьян, восхищенные земельными богатствами Сибири, собирались перевезти сюда свои семьи и остаться здесь навсегда [11, с. 17].

Командование ОмВо выразило в приказе в июне 1916 г. озабоченность тем, что направленные для контроля за пленными ратники, нередко сами принимали деятельное участие в работах вместе с ними [18]. Тем не менее случаев побегов пленных в регионе было немного. Этому в огромной степени способствовали огромные расстояния, помноженные на суровый климат и бездорожье. Но нельзя сбрасывать со счетов и фактор доброжелательного к ним отношения, о котором речь шла выше.

Благожелательное отношение к пленным вызывало чувство протеста против такого положения вещей у некоторых местных жителей. Свое несогласие они иногда оформляли в виде писем на имя руководителей Государственной Думы или правительства. Именно так, например, поступил

заместитель председателя новониколаевского отдела «Союза русского народа» К. Поляков. В июле 1916 г. он направил письмо на имя главы правительства России с целью обратить внимание на тот вред, который, по его мнению, наносило отсутствие надлежащего надзора за размещенными в Сибири вообще и в Томской губернии в частности военнопленными офицерами. Партийный функционер обвинил их в том, что они свободно разгуливали по населенным пунктам, покупали всё, вплоть до оружия, беспрепятственно собирали нужные им сведения и пересылали любую корреспонденцию. Кроме того, он назвал их саботажниками, виновными в организации крупного пожара в селе Камень Томской губернии весной 1916 г., когда в огне погибли сотни тысяч пудов хлеба. Он возложил на «двух Гофманов» персональную ответственность за попустительство всем этим безобразиям. Речь шла о крестьянском начальнике 3-го участка Барнаульского уезда Гофмане и его однофамильце – кучере. Изучением приведенных фактов занялось руководство Министрства внутренних дел (МВД), направив на имя томского губернатора соответствующий запрос. Губернатор В.Н. Дудинский подробно проинформировал о действительном положении дел в содержании этой категории пленных директора канцелярии МВД Б.В. Писаренкова. Он признал, что сразу после прибытия в Томскую губернию они действительно пользовались относительной свободой: жили на частных квартирах, ходили по городам без конвоя и беспрепятственно могли общаться с местным населением. Спустя год после прибытия пленных в регион режим содержания для них был значительно изменен в сторону ограничения их свободы. По словам губернатора, все пленные стали содержаться под военным караулом и только под конвоем могли покидать занимаемые ими помещения, общение с местными жителями для них было запрещено. Говоря о фактах нескольких побегов пленных, он отметил, что все они были задержаны и возвращены в места пребывания. Особенно подробно В.Н. Дудинский остановился на обвинении военнопленных в организации пожара в селе Камень и пособничестве им со стороны «двух Гофманов». Он отверг возможность их причастности к пожару в селе Камень, заявив, что, скорее всего, пожар вспыхнул из-за поджогов местных жителей. По поводу якобы покровительственного отношения к пленным со стороны крестьянского начальника Гофмана губернатор отметил в письме, что не существовало ни одного факта, который бы подтверждал подобные обвинения [19, л. 1-1 об., 3, 7-8].

На наш взгляд, К. Поляков продемонстрировал в своем письме прямо противоположный подход в отношении пленных, который был осужден генералом Е.О. Шмитом. Заместитель председателя городского отдела монархической партии подозревал в антигосударственных замыслах и действиях всех окружавших его немцев, как пленных, так и соотечественников. В условиях официальной политики борьбы «с немецким засильем» он, вполне вероятно, пытался свести свои личные счеты с конкретными людьми. Соответственно, руководителю региона пришлось детально объяснять вышестоящему начальству, что речь в данном случае шла о голословном оговоре.

Директор канцелярии МВД в связи с вышеупомянутым письмом из Новониколаевска направил отношение также и тобольскому губернатору Н.А. Ордовскому-Танаевскому с просьбой дать оценку нормам содержания военнопленных офицеров во вверенном ему регионе. Тобольский губернатор во многом солидаризировался с автором письма из Новониколаевска К. Поляковым. По его словам, в регионе военнопленные офицеры могли свободно покидать занимаемые ими помещения, бесконтрольно делать покупки разных вещей и продовольствия. Располагая значительными денежными средствами, они платили такие суммы за те товары и продукты, которые запрашивали торговцы и крестьяне. Это вело к росту цен на всё, в результате чего местное население оставалось без тех продуктов первой необходимости, к которым оно привыкло. Военнопленные офицеры во время передвижения по городу под конвоем ухитрялись вступать в разговоры с местными обывателями. Кроме того, они даже переписывались с ними [19, л. 5-5 об., 13-13 об.].

Следовательно, рассуждения тобольского губернатора наводят на мысль о том, что региональные власти выступали за дальнейшее ужесточение режима содержания пленных офицеров на своих территориях. Следует подчеркнуть в этой связи, что речь шла о пленных немецкого и венгерского происхождения.

Правительство России с самого начала войны всячески поощряло создание общественных организаций, которые вели идейно-политическую работу в нужном для властей направлении среди пленных-славян. В рамках этого курса министр внутренних дел страны Н.А. Маклаков утвердил 30 октября 1914 г. «Устав Всероссийского попечительства о пленных славянах». Главная цель этой организации заключалась в том, чтобы находившихся под немецким гнетом славян превратить в убежденных сторонников и проповедников

общеславянского единства. Среди прочего для этого предполагалось вести культурно-просветительные занятия с военнопленными в интересах русского государства, организовать их обучение русскому языку, оказывать нуждающимся материальную помощь [20, с. 1, 4, 5].

В Западной Сибири наиболее активную работу в данном направлении вел созданный в городе Кургане в 1914 г. благотворительный кружок по оказанию помощи пленным-славянам. Кружок возник по инициативе директора местного банка И.А. Еллинека. В его фонд сразу стал поступать значительный поток пожертвований. Если в декабре 1914 г. было получено чуть более 560 руб., то в феврале 1915 г. – уже свыше 4700 руб. Эти средства благотворители решили израсходовать на аренду квартир для пленных, имевших проблемы со здоровьем. К июню 1915 г. для них было арендовано 13 квартир на 241 человека. Из них две квартиры на 33 человека сдавались бесплатно. В феврале 1915 г. для них была организована кухня, которая до июня того же года произвела более 16,5 тыс. порций разной пищи [11, с. 57, 59, 60].

На наш взгляд, такой масштаб народной благотворительности наглядно свидетельствовал о том, что русские люди считали пленных-славян своими братьями. Пропагандируемая сверху идея общеславянского единства в этот период положительно воспринималась представителями всех сословий.

В 1915 г. в России началось комплектование воинских частей из пленных чехов и словаков для ведения боевых действий против Германии. Инициаторами создания этих подразделений были находившиеся в России чехословацкие эмигрантские организации. В феврале 1915 г. они провели в Москве свой съезд, на котором было официально объявлено о решении создать в России чехословацкие воинские части из военнопленных и эмигрантов. В принятой на этом съезде политической декларации провозглашалось намерение учредить самостоятельное чехословацкое государство во главе со славянским королем, которое проводило бы свою политику в полном единстве со всем славянским миром, прежде всего с Россией. В феврале 1916 г. был сформирован чехословацкий стрелковый полк, а в апреле того же года начальник штаба ставки русской армии генерал М.В. Алексеев дал разрешение на развертывание чехословацкой бригады. К декабрю 1917 г. удалось организовать чехословацкий корпус, который насчитывал 38,5 тыс. легионеров [8, с. 57, 59].

Начало формирования чехословацких подразделений кардинально изменило положение пленных-славян в сторону значительной либе-

рализации режима их содержания. При этом губернаторы регионов должны были целенаправленно проводить на местах эту политику. Об этом недвусмысленно говорилось в циркулярах, с которыми они обращались к местным властям и работодателям. В них выражалась просьба предоставить славянам, находившимся на работах, такие льготы, которые не имели пленные венгры и немцы. Губернаторы поясняли, что эти льготы могли выражаться в разрешении прогулок в воскресные дни, чтения, пения, допущении к ним соотечественников для кратковременной беседы [21]. Летом 1916 г., руководствуясь циркуляром начальника Генерального штаба, командующий войсками ОмВо приказал беспрепятственно допускать к обращению среди пленнх-славян еженедельной чешской газеты «Чехословянин» [22].

Даже выбор помещений для проживания пленнх-славян должен был свидетельствовать о добром к ним отношении русских властей. Особенно наглядно это проявлялось в отношении качества жилищных условий для офицеров-славян. Так, два прапорщика барнаульского гарнизона были подвергнуты в ноябре 1916 г. дисциплинарным взысканиям за неудачно подобранное помещение для военнопленных офицеров-славян. Как было сказано в сообщении заведующего квартирной частью ОмВо на имя томского губернатора, командующий войсками округа посчитал невозможным по заключению врача размещение офицеров-славян в доме Абдуловой в городе Барнауле [23, л. 90].

Следует подчеркнуть, что русские власти также предоставляли для проживания пленным офицерам немецкого и венгерского происхождения вполне приличные помещения. Но для офицеров из славян занимаемое ими жилье должно было быть безупречным.

Следовательно, в социально-бытовом плане в этот период пленные-славяне, как представители командного, так и рядового состава, были поставлены в привилегированное положение, по сравнению с пленными немецкого и венгерского происхождения.

После Февральской революции перечень государственных организаций, занимавшихся пленными, увеличился. Постановлением Временного правительства в марте 1917 г. был учрежден Центральный комитет (ЦК) по делам военнопленных при Главном управлении Российского общества Красного Креста как головная структура для всех государственных и общественных организаций соответствующего профиля. В части, связанной с делами пленнх противника, ЦК имел право са-

мостоятельного и окончательного решения всех вопросов общего характера, касающихся русских военнопленных, находившихся во вражеских странах, и неприятельских военнопленных, размещенных в России [24, ст. 602].

В июне 1917 г. Временное правительство решило принять в подданство России пленнх, состоявших в добровольческих подразделениях или рядах русской армии. Тогда же военнопленные славянского происхождения, при условии их лояльности и взятии на поруки, получили возможность вступать в брак с русскими гражданками [25, с. 146].

В этот период режим содержания военнопленных всех национальностей в Западной Сибири значительно смягчился. Они получили право всюду бывать и ходить без конвоя по улицам. Некоторым военнопленным были предоставлены исключительные льготы. Пленные участвовали в первомайских демонстрациях, проходивших в различных населенных пунктах региона. Так, в Омске большая группа чехов и словаков пришла на это мероприятие со своим оркестром под знаменем с надписью «чехословацкие революционеры» [26].

Следует отметить, что в послефевральский период многие пленные, особенно рядового состава, стали активно участвовать в российском политическом процессе в рамках разного рода революционных партий и движений.

Ослабление надзора за военнопленными в условиях всё более нараставшего в стране хаоса привело к тому, что многие из них, как правило, офицеры немецкого и венгерского происхождения, пытались бежать по подложным документам на родину через Финляндию и Китай. Жители региона стали в это время обвинять пленнх в организации поджогов в деревнях и городах [27]. Это обстоятельство побудило военные власти выступить с просьбой об установлении над узниками строгого контроля. Этот призыв особенно усилился после поражения русской армии на фронте в июне 1917 г. Именно тогда, под давлением союзников по Антанте, в стране была впервые пущена в оборот версия, что пленные, размещенные в регионе, якобы готовились к захвату Сибирской магистрали. Для большей убедительности военное ведомство в секретном порядке разослало каждой гражданской губернской власти копии плана ее захвата, разработанного германским генеральным штабом. Однако местные советы, находившиеся под значительным влиянием большевиков, не допустили никакого ужесточения контроля над пленными [28, стб. 518, 519].

Большевики, как известно, были интернационалистами и сторонниками мировой социалистической революции. В условиях двоевластия они готовились взять полноту власти в России в свои руки в качестве первого шага по созданию всемирного коммунистического государства. Для захвата власти в стране и тем более для организации мировой революции руководство большевистской партии серьезную ставку делало на идейно-пропагандистскую работу среди военнопленных стран Четверного союза. На этих людей, имевших военную подготовку и опыт участия в боевых сражениях, большевики возлагали большие надежды для решения своих задач как в России, так и за ее пределами.

Следует подчеркнуть, что во многом под влиянием большевистских советов среди военнопленных всё больше нарастала враждебность и отчужденность по национальным и классовым признакам. В концлагерях с помощью местных советов создавались выборные комитеты из числа пленных, которые занимались вопросами их быта, трудоустройства, активизировали свою деятельность большевистские ячейки. Среди пленных, прежде всего немцев и венгров, появились так называемые интернационалисты – активные сторонники местных большевиков. Из них формировались вооруженные отряды, помогавшие большевикам захватывать власть в регионе. Руководимая венгерскими интернационалистами лагерная коллегия в Омске в апреле 1917 г. лишила офицеров их денщиков и потребовала, чтобы они сами занимались

уборкой двора, помещения и прочих мест. Кроме того, часть благоустроенных офицерских барачков была отведена больным и инвалидам независимо от звания и ранга [8, с. 235].

Интернационалистам противостояли чехи и словаки, которые лояльно относились к Временному правительству и в составе почти 40-тысячного корпуса собирались сражаться против германских войск.

Таким образом, на основе анализа разнообразных источников автору удалось выявить заинтересованность русских властей в изучаемый период в максимальной степени привлечь пленных-славян на сторону России. Такая политика осуществлялась не только с целью их использования в составе национальных добровольческих частей на германском фронте для скорейшего разгрома противника, но и для значительного усиления влияния Российской империи в славянском мире после победоносного завершения войны. В рамках этой общенациональной панславянской политики пленным-славянам в регионе был предоставлен максимально либеральный режим пребывания в неволе. Прямо противоположным было отношение к пленным немцам, австрийцам и туркам. Жители региона лояльно относились к пленным всех национальностей, но по-настоящему доброжелательно – к славянам. После февраля 1917 г. значительное количество пленных всех национальностей в регионе стало принимать активное участие в политической жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Талапин А. Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: июль 1914 – май 1918 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. 27 с.
2. Гергилёва А. И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006. 22 с.
3. Чудаков О. В. Размещение военнопленных органами государственного самоуправления в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (1914 – первая половина 1918 гг.) // Омский научный вестник. Сер.: Исторические науки. 2012. № 5 (112). С. 40–43.
4. Шапкин Ю. Г., Дмитриченко А. А., Пономарева Г. О. Жизнь и быт военнопленных в лагерях Восточной Сибири в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 3 (11). С. 50–53.
5. Федорова Т. В. Проблема социально-бытовых условий содержания австро-венгерских военнопленных на территории Восточной Сибири во время Первой мировой войны // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2014. № 4-2 (84). С. 232–236.
6. Аверин Д. Н. Первая мировая война. Военнопленные в Тобольской губернии // Исторические исследования: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань: Бук, 2016. С. 1–14.
7. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М.: ЦСУ, 1925. 103 с.
8. Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. 1917–1920 гг. М.: Наука, 1987. 450 с.
9. Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. М.: Кучково поле, 2001. 440 с.
10. Алтайский крестьянин. 1915. 23 мая (№ 20).
11. Отчет члена, состоящего при Центральном справочном бюро о военнопленных Особого комитета помощи военнопленным, Е.Г. Шинкевича по командировке в Омский военный округ для обследования степени нужды военнопленных австро-венгерской армии. Пг., 1915. 64 с.

12. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1914 г. Пг., 1914. Собр. 281. Ст. 25.
13. Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (БУ ИСА). Ф. 172. Оп. 1. Д. 248.
14. Омский вестник. 1914. 7 сентября.
15. БУ ИСА. Ф. 54. Оп. 2. Д. 17.
16. Акмолинские областные ведомости. 1915. 6 мая.
17. Шиловский М. В. Социально-политические процессы в сибирском городе во время Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Современное историческое сибиреведение XVII – начало XX вв.: сб. науч. тр. Барнаул: АзБука, 2005. С. 284–296.
18. Жизнь Алтая. 1916. 10 июля.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1011.
20. Устав Всероссийского попечительства о пленных славянах. Пг., 1914. 64 с.
21. Жизнь Алтая. 1916. 11 февраля.
22. Жизнь Алтая. 1916. 9 июля.
23. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 18. Д. 1451.
24. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917 г. Пг., 1917. Отд. 1.
25. Солнцева С. А. Военнопленные в России в 1917 г. (март-сентябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 143–149.
26. Алтайский крестьянин. 1917. 22 апреля (№ 14).
27. Омский вестник. 1917. 6 июня.
28. Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. А-Ж. Новосибирск: Сибирское кн. изд-во, 1929.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022; одобрена после рецензирования 21.03.2022; принята к публикации 04.04.2022.

The article was submitted 25.01.2022; approved after reviewing 21.03.2022; accepted for publication 04.04.2022.